

«Михалыч. Так у нас в семье зовут Калашникова Романа, без чьих историй не обходится ни одно застолье. Дядя Рома прирожденный рассказчик! Слушая, ты будто созерцаешь цветущий Алтай с прохладной речкой и предгорьем, представляешь величавость Самарканда и советский Актогай, и словно бы оказываешься на берегу легендарного Балхаша, связавшего соленые воды с пресными. Историй у Михалыча, сказать по памяти, полчище. И каждая из них не просто случай, а приправленный жизненным юмором переплет, вызывающий у нас, его слушателей, смех и улыбку».

Мария Ким • ГЕОЛОГИ ЕДУТ...
Забавные истории Михалыча

Мария Ким

ГЕОЛОГИ ЕДУТ...

Забавные истории Михалыча

Юбилей

14 февраля, 2020 год. По Алма-Атинским часам четверть первого

С букетом турецких гвоздик выхожу из подъезда, к машине. За рулем — муж. Открыв дверь, мельком смотрю на заднее сиденье, где в стройном пакете лежит подарок. К юбилею дяди Ромы. Сажусь, открываю Google Map, забиваю в строку «г. Талгар, участок №7», и мы трогаемся. Не спеша минуем улочки двора, с него выезжаем на проспект, затем на объездную и по отутюженной скоростной летим до первой кольцевой развязки. А с нее сворачиваем на Талгарский тракт.

Сквозь приоткрытое окно в машину врывается ветер, мягкий свист которого вторит шелесту шипованных колес. В лобовое стекло бьется зимнее солнце, а по февральской синеве прогуливаются бело-белые облака.

Михалыч. Так у нас в семье зовут Калашникова Романа, без чьих историй не обходится ни одно застолье. Дядя Рома прирожденный рассказчик!

Слушая, ты будто созерцаешь цветущий Алтай с прохладной речкой и предгорьем, представляешь величавость Самарканда и советский Актогай, и словно бы оказываешься на берегу легендарного Балхаша, связавшего соленые воды с пресными. Историй у Михалыча, сказать по памяти, полчище. И каждая из них не просто случай, а приправленный жизненным юмором переплет, вызывающий у нас, его слушателей, смех и улыбку...

Свернув на щербатое шоссе, мы едем в сторону гор, наслаждаясь пейзажем — за городом он весьма однообразен: тесные, бетонные постройки, растущие шеренгой сосны и карагачи. Их зимний прикид с весенним не сравнить, но что нравится — это припудренные снегом ветви и витиеватые на стволах узоры. Восхищают и огромные неспаханые поля с островками от растаявшего снега на фоне бело-синих гор. Лиричная местность.

До сих пор здесь ощущается рука Творца.

Дорога плавно переходит в колею. Впереди покатый подъем, а за ним — небольшая площадка для парковки. Мы приехали. Идем к калитке. Вокруг спокойно, ласково, слышно, как в снегу шебуршится фазан. За забором бесятся два приветливых алабая.

В доме нас встречает именинник. Улыбчивый, шутливый и, как всегда, с намеком на одну из историй. Обычно это вызывает смех у любой аудитории. Вот и в этот раз, услышав про неправильные судороги барана, по вине которых мясо было невкусным, гости дружно смеются. К назначенному времени официанты заканчивают сервировку столов, и гости рассаживаются. Взрослые за один стол, молодежь — за другой. Так сказать, по интересам.

Если меня спросят о моем дяде, отвечу: душевный, светлый, познавший тот самый цимус. Ведь богатая опытом и мудростью жизнь удается не каждому. А дядя Рома смог. И, более того, сохранил в себе самое важное качество — человечность. До сих пор умеет найти нужные слова и поддержать.

А чаще просто шутит на манер одесского еврея, чем и поднимает дух и настроение.

— Ты знаешь, Машенька, — как-то говорит он мне, растягивая в довольной улыбке рот, — я тебе сейчас такой комплимент сделаю, какой ты ни от кого больше не услышишь. Я тебе желаю всегда оставаться в зоне действия самых лестных эстетических мужских характеристик.

Что сказать? Растаяла.

А как-то было дело, сказала, что увлеклась творчеством, хочу книги писать. Так он в ответ:

— Машенька, давай обо мне мемуары напишем. Правильнее сказать мемуаразмы, — и смеется. — Хорошая книжечка получится. Поучительная!

С тех пор каждый раз, как мы с дядей Ромой виделись, он рассказывал мне о советской молодости, веселенькой работе и переплетах, в которые попадал, а я запоминала и записывала.

Так и родились забавные истории Михалыча.

Наземные геофизические работы

Пешая геофизика

Алтай. Горы

Алтай

Это — Алтай. А что такое Алтай? Это лето всего два месяца и трава по пояс; это кедровые леса и грибов столько... вам и не снилось.

Алтай — это романтика спального мешка, когда ночью у горящего костра гитара звуком врезается в темь, а первого сентября может выпасть снег. Видишь часы на стене? Они из кедра, расщепленного молнией. А сами часы из старой аппаратуры, им уже тридцать пять лет. И кедру лет пятьдесят.

Давно со мной случился Алтай. Я тогда моложе на пол жизни был и еще не рос в землю...

И, в общем, была там такая история.

Работали мы на Алтае, и я остался в палатке. А мой водитель Гришка и рабочий Генка, тогда совсем еще молодой пацан, пошли на охоту и принесли полный рюкзак мяса. Мы его долго ели. Вкусное. У местных это — козёл, а вообще называется «лесная лань».

Прошло какое-то время, мы приехали в город, в Алма-Ату. И по дороге где-то барана украли. Зарезали его, сделали шашлык. Лежим сытые, отдыхаем и тут Генка говорит:

— Роман Михайлович, вы знаете, не понравились мне у этого барана судороги, совершенно не понравились. То ли дело — у лесной лани. Неправильный был баран, и мясо потому у него не такое вкусное.

Между Рудным и Горным Алтаем проходит граница. Поехали мы шишки кедровые собирать. Приехали и пошли любоваться невысокими кедрками. Идем и вдруг Вова Тореев говорит:

— Стой!

Мы остановились и глядим на интересное явление в виде огромной кучи размером с этот стол. Это мишка делал свой утренний моцион в лесу, а как увидел нас, испугался, и оставил кучу нам на память. Еще пар шел.

И следы свежие были. Я их кепкой померил. Из-под кепки еще когти с мизинец.

Хорошо нас трое было, но мы разумно решили с медведем не связываться. Отъехали чуть ниже. Достали провиант...

А наутро давай машину заводить, а она не заводится. Что мы только не делали с ней, как только вокруг нее ни плясали — ни в какую. Что делать? Остаться на вторую ночь — холодно, днем снег выпал. Еды у нас собой немного. Аккумулятор сел, руки стерты до крови об заводную ручку.

Но к счастью, к пяти вечера машина неожиданно завелась. С какого хрена, мы так и не поняли. Решили, что место какое-то замороженное. Уселись радостные в машину и отвалили от кедров и медведя.

Деревня. Мы там украли гуся. Витя схватил его, в машину, башку открутил. Мы его варили-варили. Четыре часа. Гусь, оказывается, самым старым был. Сурпы мы немного похлебали, но она горьковатая была. Мы на ночь оставили кастрюлю открытой, утром просыпаемся — а там мошकारа. А мы голодные. В общем с этой мошकारой сурпой завтракали.

А еще у нас там собака была. Мы ее потом продали за две бутылки водки, потому что она, падлюка, съела у нас весь запас сала. Килограмм пять, наверное, было.

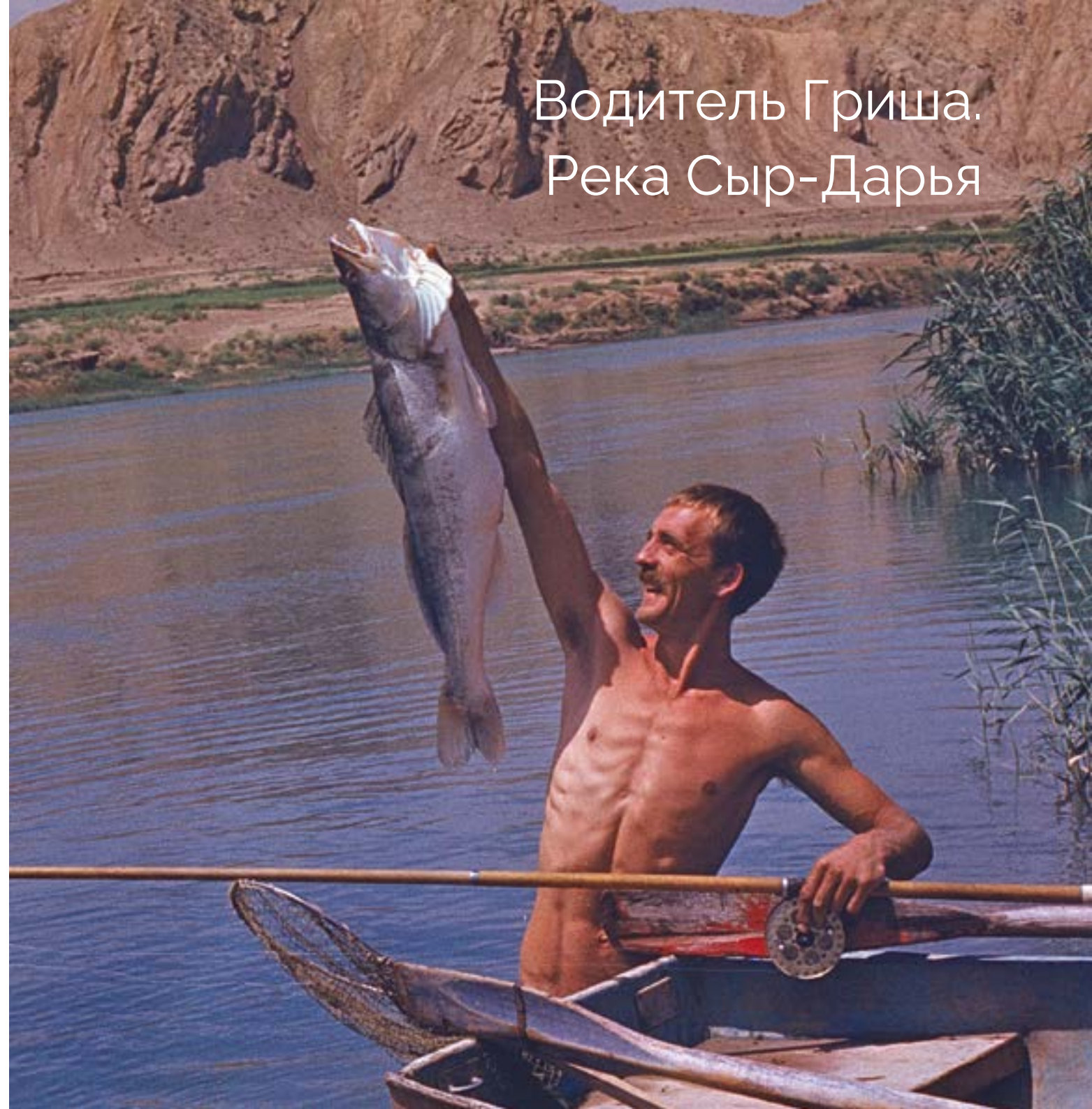
Мой приятель Володя Тореев — мастер устного рассказа. У него что ни рассказ, то — о тяжелой жизни, или приключение, и в первую очередь — с его женой.

Поехали как-то с ним и с Коляшкой на ЗИЛе. Едем где-то между Карагандой и Жезказганом по местности, по которой недавно прошел дождь. Весь день ехали, а с сумерками решили остановиться и поспать. Я оккупировал крышу ЗИЛа, там продувалось. Коляшка решил лечь в будке. А Володя — самый хитрый — лег под передним мостом ЗИЛа. И дождя не страшно, и воздух свежий.

Ночью — крик, мат. Я и Коляшка просыпаемся, ничего понять не можем. А наутро из-под ЗИЛа выползает Володя с рассеченной мордой. У нас двоих вопрос: что случилось?

А случилось то, что, когда мы ехали по грунтовой дороге, ко дну машины прилипла грязь. За ночь она подсохла да как упадет Володьке на морду. Такой тя-

Водитель Гриша. Река Сыр-Дарья

Актогай

Актогай.

Безжизненное скучное место. Там была круглогодичная партия (человек триста). В основном жили в двухкомнатных вагончиках.

В силу своего интеллекта я был там начальником отряда. И был у меня друг, начальник гидрогеологического отряда, Тимур Кальменев. Он мне однажды одолжил экскаватор, чтобы яму трехметровую вырыть. А яма понадобилась для баранов. Потому что два моих жигана, как наступала ночь, после ужина ходили вокруг партии и смотрели, что плохо лежит. Если по каким-то причинам там всё лежало хорошо, что бывало крайне редко, они заходили на большой круг в радиусе 10 километров. С фонарем, мешками, веревками. И обычно притаскивали барана. Так-то мы зайцев ели. В Актогае хоть местность и безжизненная, но кусты были. И почти под каждым кустом сидел заяц. Настреляем три-четыре зайца и в тот же день их съедаем.

Река Ор

Узбекистан

Момент полевых работ

Река Ор

Таджикистан. Джакузи по Сырдарьински

В 1984-м году мы еще не знали, что такое джакузи.

Работая на Сыр-Дарье, насосами закачивали из нее воду в огромную бетонную чашу метров пять диаметром, откуда она распределялась по каналам для полива хлопковых полей. И пока вода поднималась в чашу, она подсасывала воздух. И мы с таким кайфом купались в той чаше. Днем и ночью.

И там же у нас был такой плотик с виноградом, дыней, арбузом. Мы в джакузи по шею сидели, ели и слушали пение цикад. Красота!

Готовимся к рыбалке

Таджикистан.
Полевые работы

